
ПРАВА

УДК 342 (07)

О.В. Бреский

ЛОКАЛЬНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС

В данной статье исследуется проблема оснований публичного действия человека, которое образует основу гражданского общества, а также вопрос о роли локальных структур и сообществ в формировании гражданского общества.

Предварительные замечания

Тема гражданского общества с 80-х годов стала одной из главнейших в социальных науках. Однако термин «гражданское общество» не обладает устойчивой дефиницией и подвергается многочисленным интерпретациям. Данное обстоятельство свидетельствует как о сложности предмета, который обозначается данным термином, так и о продолжающемся процессе формирования гражданских структур и сосуществования различных моделей развития гражданского состояния. В данной статье гражданское общество рассматривается в контексте изучения связей, соединяющих его с локальными структурами, а также с публичным действием локальных субъектов локальности, выступающем как основание формирования гражданского общества.

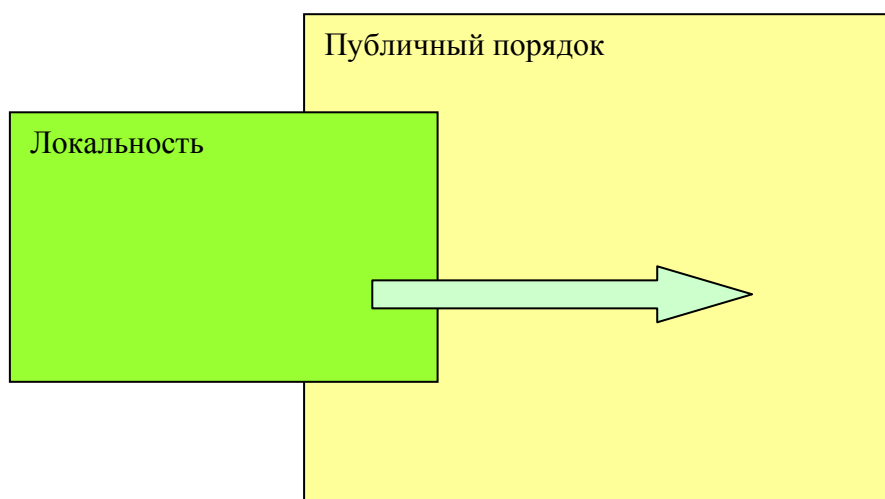
Локальность¹ представляет собой социальное по существу. Она сообщает человеку определенный, очень устойчивый статус (трудно перестать быть сыном, отцом, уроженцем определенного региона и пр.), она помещает человека в некую первичную нормативную систему, определяющую во многом его мировоззрение, его поведение, характер его отношения к другим, она, наконец, помещает человека в определенный мир с четко обозначенными границами:

- во времени (к примеру, через систему праздников, через определенный календарь);
- в пространстве (проводя материальные границы: политические, административные, границы собственности);
- в социуме (устанавливая образцы поведения для принадлежащих ей членов).

Для локального определяющим оказывается социальное место и его характеристики, такие, как статус, граница, нормативная система. Но очевидно, что субъект может находиться и в ином состоянии, преодолевая ограничения, связанные с его принадлежностью к определенной социальной системе. Такое состояние возникает в процессе публичного действия, которое всегда связано с определенным локальным контекстом, но происходит вне его, создавая новую реальность, которую уместно обозначить как пространство «гражданского». Гражданское всегда является результатом отношений, которые складываются между локальностью и публичным порядком, индивидом и публичным порядком².

¹Ср.: Понятие места действия (локальности) подразумевает использование пространства с целью обеспечения среды протекания взаимодействия, необходимый для определения его контекстуализации... Локальности в значительной степени обеспечивают «устойчивость» (или «стабильность») социальных институтов... [8, с. 185].

²Ср.: Для античности решающим было то, что все частное есть лишь частное, что человек в нем, как показывает само слово, живет в состоянии лишения, а именно лишен своих высших

Гражданское состояние отличается от локального именно тем, что задумывается не как следствие из текущих обстоятельств и условий жизни, но потому, что выстраивается согласно некоему плану и видению перспективы индивидуального существования, не обусловленного ничем, за исключением представления об этике и личном достоинстве. Гражданское состояние предполагает, по крайней мере, частичную эмансипацию от власти локальных сообществ, в его основе лежит индивидуализация. Вовсе не случайно тема гражданского общества в эпоху модерна начинает звучать одновременно с развитием двух процессов – индивидуализации и социальной дифференциации, и третьего процесса – становления очень сложной системы поддержания порядка в сложнодифференцированном обществе.

Гражданское состояние развивается в пространстве между локальностью и тотальным публичным порядком, завоевывая место для себя и перспективу дальнейшего роста. Гражданское состояние не возникает в результате эволюционного развития локальности, или в результате моделирования государственной властью социального, – оно опирается, в первую очередь, на индивидуальные практики и первично связано с личной этикой [2, с. 31–42].

Романо-германские языки помнят эти особенности, определяющие качество гражданского. Английский язык в ряду понятий:

- *citizen* (житель страны, гражданин);
- *civitas* (статус гражданина в античном Риме);

возможностей и человечнейших способностей. Кто не знал ничего кроме приватной стороны жизни, кто подобно рабам не имел доступа к общественному или подобно варварам вообще просто даже и не учредил открытую всем публичную сферу, собственно человеком не был. Если мы сейчас в слове «приватный» уже не слышим, что исходно оно означает состояние лишенности, то между прочим еще и потому, что новоевропейский индивидуализм принес с собою столь громадное обогащение частной сферы. Существеннее для нашего понимания приватности однако то, что она теперь отличается не только, как в античности, от публичного, но и прежде всего также от социального, античности неведомого и помещавшего ее по своему содержанию в сферу приватного. Решающе для черт, какие приняло приватное в Новое время, решающе прежде всего для его важнейшей функции, обеспечения интимности, то, что исторически оно было открыто как противоположность не только политическому, но и социальному, с которым оно поэтому и состоит в более тесной и существенной связи [1].

- *civic* (прилагательное, обозначающее принадлежность к гражданству, к гражданам, к городу);
 - *civilisation* (существительное, обозначающее продвинутую стадию или систему человеческого социального развития);
- предлагает также слово:
- *civil* (прилагательное, обозначающее отношения между гражданами, отделенные от военных и церковных отношений, но также обозначающее и куртуазное, вежливое поведение,
- и еще одно слово:
- *civilise* (близкое по значению с образованием, культивированием, гуманитаризацией, приручением, окультуриванием).

Именно потому Норберт Элиас совершенно справедливо и логично, с точки зрения строения и смыслов языка, представляет процесс цивилизации как усиление в обществе вежливости, усиление значения этики и индивидуализации отношений, выделения в социальной сферы частного и интимного [16]. Именно в процессе цивилизации появляются граждане как своеобразные свободные радикалы в достаточно устойчивой социальной структуре. Граждане не являются проекцией локальностей, их действия не являются прямым продолжением локальных практик, они возникают там, где люди или локальные сообщества презентуют себя в публичном порядке.

Гражданин

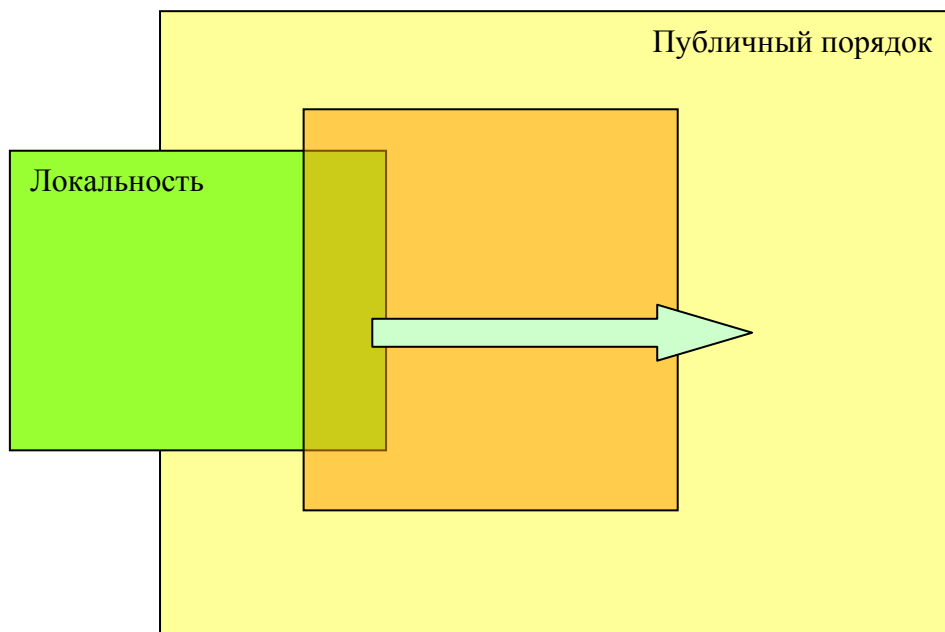
Для обозначения процесса становления гражданского существует не так много адекватных терминов. К этому лексикону, конечно, не принадлежат ни «локальность», ни «аутентичность», ни «народность», но именно «процесс цивилизации», «гражданское общество» и связанные с ними – «свобода», «индивидуальность», «манеры», «конституционализм». Ключевое же значение в описании «гражданского общества», по замечанию Ф. Трентмана, имеет понятие «гражданин» [3].

Существует преемственность, вполне очевидная, между понятием гражданина и рыцаря, шляхтича, джентльмена³. Эти понятия всегда были политическими и цивилизационными, они не являются некими локальными характеристиками человека и несут в себе пафос развития, точно обозначая перспективу последовательного смягчения нравов, нормативизации публичного взаимодействия, воспитания, облагораживания, индивидуализации, личного достоинства, образования в широком значении, приобретения формы, – в обязательном соотношении этих норм с публичным порядком. Без концепции личного достоинства и этики невозможно понять назначение и ценность идеи гражданского общества.

Отсюда вытекает важное следствие. Гражданин не задается неким внешним порядком. Гражданин невозможно создать, потому что «гражданин», в существе своем, – это этическая категория, категория обязывания. Она выражает существо модернизации – умения и необходимости человека быть с другими и участвовать в публичной жизни, оставаясь индивидуальностью. Но для того, чтобы участвовать в публичной жизни, «гражданин» должен иметь некую основу, потому что в публичном «гражда-

³ См. напр. Кончакова С.В. Динамика концепта «джентльмен» в английском национальном сознании (на примере романа Ч. Диккенса «Большие надежды») [13]. См. также самые первые тексты, посвященные появлению нового человека: Defoe, Daniel. The Complete English Tradesman. [1]; Локк, Дж. Мысли о воспитании. 1691...Что изучать джентельмену.1703. в 3 т. [14]. Джентльмен – высокообразованный и деловой человек. Локк придумал концепт *tabula rasa* – ребенок, сознание которого пусто и немо и подлежит «очеловечиванию» через воспитание и образование.

нин» – это только статус, только **репрезентация**, и потому так важен вопрос, кого или что именно гражданин представляет в публичной жизни.

Очевидно, что гражданин в публичном порядке репрезентирует личность. Отсюда следует то важнейшее значение, которое имеет в становлении гражданского общества этика, религия – системы, каждая из которых по-своему предоставляет основу самой личности, основу всякой репрезентации. Надо отметить, что поскольку и этика, и религия участвуют в процессе первичной социализации, данное обстоятельство не позволяет рассматривать личность как монаду, каждый раз обнаруживая ее связь с локальными сообществами, в которых и протекает первичная социализация. Отсюда, как бы ни стремился «гражданин» выступать в качестве монады, ему это не вполне удастся, потому что он не может уйти от вопроса оснований репрезентации или от вопроса первообраза тех образов, которые он представляет в публичном. Потому состояние гражданина указывает, с одной стороны, на индивида, наделенного свободой и автономией по отношению к любому рода локальным структурам и публичному порядку, с другой стороны – создающего особое состояние публичного и политического, рассчитанного на принципиальное участие такого субъекта в публичном, где он вынужденно использует ресурсы первичной социализации, а также ресурсы локальных сообществ. Такого рода презентации всегда укоренены в личной этике, а также в нормативных системах локальных структур.

Отсюда, кризис религии или этики должен непременно влечь за собой и кризис гражданского, что мы можем наблюдать на примере истории XX века. Этот кризис обозначает разрыв между субъектом и его репрезентацией. Вторым важным процессом в становлении гражданского становятся вопросы формализации репрезентации, потому что репрезентация требует правовой формы, устойчивости и защиты со стороны публичного порядка. Именно потому для гражданского общества так важно состояние публичного порядка и определенные формы государства, которые не должны быть агрессивными по отношению к личной свободе. Именно потому существование тоталитарных государств в XX веке производит глубокий кризис в сфере гражданского, разрывая связь между репрезентацией и субъектом. По существу, такая ситуация открывает возможности для существования политического абсурда, в котором возможно раздельное существование человека и, к примеру, его тени или носа.

Гражданское общество

Не так много исторических понятий обладали таким расцветом в самом начале и таким резким аннулированием своего значения, как идея гражданского общества. Это понятие было центральным для истории Запада до конца XIX века, когда оно вдруг исчезает из политического словаря, что означает наступление века тоталитарных идеологий и государств. И вот именно в сражении с тоталитаризмом люди в Южной Америке и Восточной Европе вновь открыли эту идею и попытались снова реализовать ее в социальной практике. Восточной Европе принадлежит заслуга реанимации самой идеи гражданского общества во второй половине XX века. В этом регионе Европы возникновение граждан лишь частично было укоренено в процессах индивидуализации Средневековья и Возрождения; граждане являются здесь главным образом конструктами государственной политики, идущей на уступки частному не под давлением процесса цивилизации, нарастания индивидуализма, но под давлением масс и социальных движений XIX–XX веков. Власть создает конструкт «гражданина», но этот конструкт в Восточной Европе изначально не связан с определенным субъектом, не обусловлен им и относится главным образом к коллективным субъектам, а также представляет государство как некий моральный порядок. Гражданин в таком контексте – это нечто большее, чем репрезентация человека: гражданин предстает как элемент народа, элемент государства. Государство же в такой перспективе является не только политическим, но и моральным проектом, интегрирующим людей в моральную общность.

Рассматриваемый концепт «гражданского общества» определяется мною в первую очередь не как некое сообщество, а как пространство или структура, где могут реализовываться ценности, основанные на индивидуальной свободе, и обеспечивается минимальный уровень достоинства личности при условии ее публичного действия. Советский тоталитаризм, составивший во многом образцы представлений о личности, образцы воспитания и поведения в публичной сфере (не изменяемые быстро), является до сих пор важнейшим контекстом и условием развития гражданского общества в Восточной Европе, также как становление State, бюрократической публичной организации власти, претендовавшей на тотальное регулирование социальной жизни было таким контекстом в XVI–XVII вв., или становление класса наемных рабочих – в XVIII–XIX в. в. Каждый раз постановка вопроса о гражданском обществе – это постановка вопроса не только о взаимодействии индивида с публичным порядком, но и о взаимодействии личности с локальными структурами, а также о моральных основаниях пребывания личности в публичном.

Понятие «гражданское общество» обозначало в период борьбы, пожалуй, все оппозиционное тоталитаризму. Гражданское общество было щитом против государства и было фронтом наступления на тотальное государство. Но в коммунистических странах термин «гражданское общество» стал также обозначать пространство сопротивления власти, параллельную официальной структуре, единственно в которой возможно было реализовывать свою свободу. Причину такой субстанциализации концепции гражданского общества нужно искать в восточноевропейской традиции, заданной определением Вацлава Гавела, согласно которому гражданское общество означает «антиполитику», т. е. «частное проживание в пределах правды с собой и с терпимостью к другим» [5, с. 102–108]. Эта позиция является бесспорной для множества интеллектуалов в Восточной Европе и объясняется историей этих обществ в XX веке. Но в такой формуле кроется множество опасностей, искажающих смысл гражданского и создающих из гражданского общества некую параллельную, не соотносящуюся с государственной структурой.

Гражданское общество потому в перспективе его сведения к определенной форме, в том числе отождествления его с локальным, часто является только слоганом, такой вполне объяснимой реакцией на нечеловеческую цену социальных революций,

в которых определенные нормы социальных взаимоотношений отменяются, казнятся короли, а народ вступает в гражданскую войну. В таком случае можно представить, что гражданским обществом являются все ассоциации, сообщества и организации людей, а также семьи, не находящиеся в прямой зависимости от государственной политики и государственной власти. Но это субстанциальное понимание гражданского общества, достаточно опасное для нормальных условий, когда государство перестает воевать с обществом, с локальными структурами.

Для Восточной Европы два этих обстоятельства – продолжительная война государства с частным и существование гражданских статусов в отрыве от личности – являются решающими в развитии идеи гражданского общества. В развитие субстанциального представления о гражданском обществе создаются разного рода государственные программы развития гражданского общества и помощи ему, являющиеся программами адресной материальной помощи определенным субъектам. Представленное таким образом «гражданское общество» позволяет заключить себя в определенные юридические формы, классифицировать и субстанциализировать, превратить себя в действительно «общество». Критерии принадлежности к гражданскому в этом случае определяет законодатель. Отсюда, к примеру, – селективная политика Беларуси в отношении университетов, общественных организаций, религиозных общин, иностранных спонсоров и пр. Так, в Восточной Европе оказывается возможной идеологизация «гражданского общества», совершающаяся уже в условиях свободы и конституционализма [9]. Этот подход продолжает процесс разрывания связи между репрезентацией и первообразом, между человеком и гражданином; гражданское общество в такой интерпретации является абсолютно объективной вещью, возникающей там, где существуют какие-либо ассоциации.

Очевидно, что описанная ситуация может приводить к двум негативным последствиям:

1) государство в Восточной Европе может заменять своими функциями функции гражданского общества. Государство может выступать моральным, социальным и культурным порядком и подавлять любые локальные и гражданские проекты;

2) укрепление независимости и замкнутости локальных структур и индивидов от публичного. Эта тенденция отнюдь не указывает на укрепление гражданского общества, а напротив, означает отказ от участия в публичном, означает создание множества изолированных замкнутых локальностей, каждая из которых вполне самодостаточна.

Дж. Кин в своей реконструкции идеи «гражданского общества», желая подчеркнуть его практическое значение, дает такое определение:

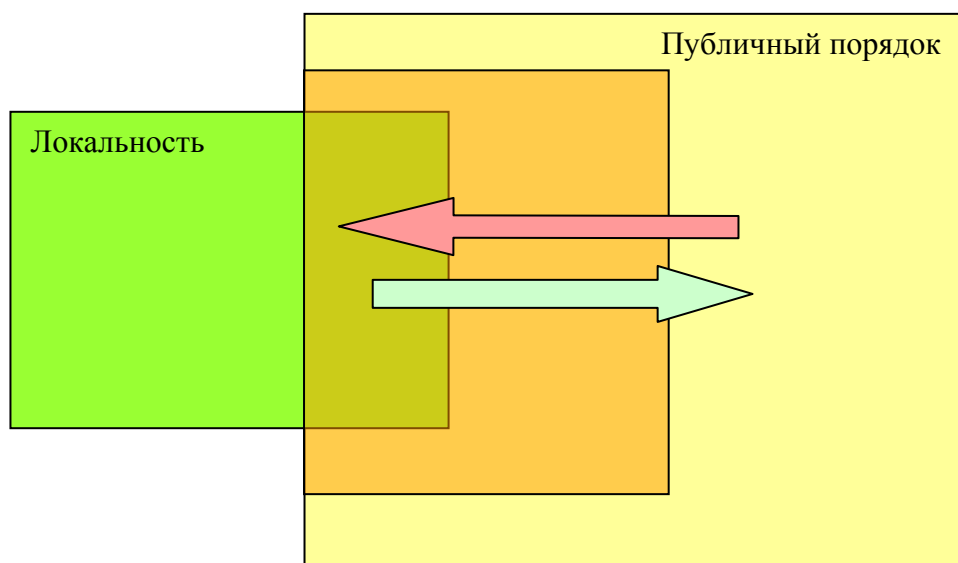
«Гражданское общество»... – это идеально-типическая категория (*idealtypе* в смысле Макса Вебера), одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамический ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и **саморефлексивности**, и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же «оформляют», ограничивают и делают возможной их деятельность [12, с. 18], – тем самым предостерегая против идеологизации понятия «гражданское общество».

Поскольку Джон Кин справедливо предупредил, что самые опасные друзья гражданских обществ – те, кто пробует продать его как идеологическое видение будущего и, таким образом, рискуют повторять ошибки тотальных идеологий, процедурный характер гражданского общества, по контрасту, мог бы быть, по сравнению с идеальным общественным парком, открытым для всех членов общества всегда, где люди свободно присоединяются и составляют различные группы. При этом важным представляется не количество, типология, состав, специфика деятельности таких групп, но сам принцип

возможности их добровольного создания и действия в публичном пространстве. Именно потому гражданское общество – это не функциональная, и тем более не субстанциональная, структура, а процедурная.

Локальное гражданское общество

Возможность исследования соотношения двух явлений – локальных сообществ и гражданского общества – связана с переходом от бесконечных спекулятивных рассуждений над тем, чем именно является гражданское общество, над попытками составить окончательный список субъектов, репрезентирующих гражданское общество, – к исследованиям практик и нормативных систем субъектов, совершающих гражданское действие, одинаково актуальное как для локального, так и для публичного порядка. Практики и нормативные системы, лежащие в их основании, дают ряд социокультурных и нормативных характеристик локальных сообществ, публичного порядка и гражданского общества. Важнейшим институтом, который делает вообще возможным гражданское общество, является институт признания – в первую очередь публичным порядком локальных порядков, что связано всегда с определенным ограничением государственной власти и допущением той или иной степени автономии в обществе. Вообще же исследование процессов, протекающих на локальном уровне, является исследованием нормативных систем. И тогда оказывается, что состояние гражданского общества зависит не только от государства и права, но также от нормативных систем локальных сообществ и от локального порядка, а также от того представления о гражданском, как об определенных положительных практиках человека, оказывающих решительное воздействие на функционирование институтов.

Таким образом, в восточноевропейских странах процесс становления гражданского общества имеет ярко выраженные особенности, связанные с кризисом государства как модели морального единства и постепенным, довольно медленным становлением сферы личной свободы, позволяющей установление связи между личностью и ее репрезентациями в публичном.

Гражданское общество представляет собой совокупность положительных практик, носящих аксиологический характер. В гражданском обществе преимущественное значение уделяется обеспечению свободы человека от насилия, предоставлению права

группам и отдельным индивидам составляют социальные репрезентации, реализации «свободы коммуникации» через создание свободных средств массовой информации, правовому сдерживанию рынка и обеспечению стандартов эффективности производства. Локальные сообщества лишены таких измерений и представляют собой структуры фактически существующие, характеризующиеся социальным местом и определенной нормативной системой. Локальное в своих границах производит определенный нормативный порядок; локальное не является транслятором чужого порядка, оно всегда выработывает его само. Локальность сама по себе не гарантирует свободы человека, предоставление прав отдельным группам, сдерживание экономических акторов и пр. Локальное сообщество может представлять для индивида систему подавления и ограничения. Локальное взаимодействует с публичным именно через нормативный порядок. Иных точек и линий соприкосновения и конкуренции между ними нет. Именно в зоне взаимодействия локального порядка и публичного порядка возникают предпосылки возникновения гражданского общества как системы институтов, опосредующих такие отношения и способствующих существованию личной свободы. И здесь можно, несколько перефразируя определение Э. Гидденса, утверждать, что гражданское общество – это место действия, подразумевающее использование пространства с целью создания среды протекания взаимодействия между личным, локальным и публичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Defoe, Daniel. *The Complete English Tradesman* / Daniel Defoe. – Edinburg, 1839.
2. George, Robert P. *Natural Law and Human Nature // Natural Law Theory: Contemporary Essays* / Robert P. George – editor. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – P. 31–42.
3. *Paradoxes of Civil Society: New Perspectives on Modern German and British History*. Ed. Frank Trentmann. – New York : Berghahn Books, 2000. – P. 3–37.
4. Regulski, Jerzy. *Samorządna Polska* / Jerzy Regulski. – Warszawa : Rosner i Wspólnicy, 2001.
5. Słodkowska, Inka. *Spółeczeństwo obywatelskie na tle historycznego przełomu. Polska 1980–1989* / Inka Słodkowska. – Warszawa : ISP PAN, 2006. – S. 102–108.
6. *Spółeczności lokalneŁ terazniejszość i przyszłość* / red. naukowa Bohdan Jałowecki, Wojcech Łukowski. – Warszawa : Scholar, 2006. – S. 12.
7. Арендт, Хана. *VITA ACTIVA, или о деятельной жизни* / Ханна Арендт. – СПб, 2001.
8. Гидденс, Э. *Устроение общества. Очерк теории структуризации* / Э. Гидденс. – Москва : Академический Проект, 2005. – С. 185.
9. *Гражданское общество, история и современность* / ред. И. Кальной. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2000.
10. *Две страны: Встреча с Александром Милинкевичем*. – Режим доступа : <http://www.nmnbu.org/pub/270206/two.html>. – Дата доступа : 24.06.2007.
11. Зигерт, Й. *Гражданское общество в России* / Й. Зигерт // *Отечественные записки*. – 2005. – № 6.
12. Кин, Дж. *Демократия и гражданское общество* / Дж. Кин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 18.
13. Кончакова, С. В. *Динамика концепта «джентльмен» в английском национальном сознании (на примере романа Ч. Диккенса «Большие надежды») / С. В. Кончакова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Выпуск 3/2006.*

-
14. Локк, Дж. Мысли о воспитании. 1691. Что изучать джентельмену. 1703 : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с. – (Филос. Наследие. Т. 103). – С. 407–614.
15. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – М. : Прогресс, 2000. – Кн. 2.
16. Элиас, Н. О процессе цивилизации / Н. Элиас. – Москва – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001.

Bresky O. Locality and public discorce

This article is devoted to the analysis of personal action in public sphere and to the role of local communities in civil society formation. The idea that the process of the civil society genesis in Eastern European countries is strongly connected to crisis of the concept of state as a model of moral unity is underlined.

The most actual is the question of cohering between the person and its representation in public sphere. On the one hand, the individual allocated individual freedom and an autonomy in relation to any sort to local structures and the public order. On the other hand individual is creating a special public and political condition, designed for personal participation in public sphere. Person uses resources initial socialization, and also resources of local communities. This model allows to see communication between representation and personal ethics, and also normative systems of local structures.